

I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**Информация для цитирования:**

Реутов В. П. Население и его представители во власти: эволюция отношений (историко-правовой аспект) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 366–378. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-366-378.

Reutov V. P. *Naselenie i ego predstaviteli vo vlasti: evolyutsiya otnosheniy (istoriko-pravovoy aspekt)* [Population and its Representatives in the Government: Evolution of Relations (Historical and Legal Aspects)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 34. Pp. 366–378. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-366-378.

УДК 342.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-366-378

**НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВЛАСТИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)****В. П. Реутов**

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-1209-4924

ResearcherID: E-5683-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-144-148

e-mail: tgp@psu.ru

Введение: статья посвящена анализу правовых аспектов взаимоотношений представителей народа в органах государственной власти и избравшего их населения в исторической перспективе и их значению в современных условиях. **Цель:** проанализировать отношения между избранными представителями населения и избирателями, начиная с античности и по сегодняшний день, с позиции обязательности наказов и возможности отзыва избранных (императивный мандат) или отсутствия таковых (свободный мандат). Оценить их значение для современности. **Методы:** основу данного исследования составил историзм как важная сторона диалектического подхода, а также системный и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** установлено, что в античном мире ответственность народных избранных носила лишь моральный характер, что в средневековой Европе и России представительство населения имело крайне ограниченный характер. Выявлено, что вопрос о юридическом закреплении взаимных обязательств представителей народа и населения стал актуальным лишь в новейшее время. **Выводы:** понятия императивного и свободного мандатов не отражают богатства реальных отношений избранных и избирателей. В реальной истории всегда имело место сочетание того и другого в зависимости от конкретных условий. В современных условиях элементы реальной отчетности, отзыва депутатов могут иметь место лишь применительно к уровню местного самоуправления.

Ключевые слова: статус депутата; императивный и свободный мандат; народное представительство; наказания депутатам; отзыв депутатов

POPULATION AND ITS REPRESENTATIVES IN THE GOVERNMENT: EVOLUTION OF RELATIONS (HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS)

V. P. Reutov

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-1209-4924

ResearcherID: E-5683-2016

Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-144-148

e-mail: tgp@psu.ru

Introduction: the article is devoted to the analysis of legal aspects of relations between representatives of the population in the institutions of the state power and the population that elected the representatives from the historical perspective, as well as to the consideration of significance of these relations in modern conditions. **Purpose:** to analyze relations between the elected representatives of the population and electors, from antiquity till today, in terms of obligatoriness of mandates and the possibility to recall elects (imperative mandate) or to have no elects (free mandate); to evaluate the importance of these relations today. **Methods:** the research is based on historicism as an important component of the dialectical approach, the system method and the comparative legal method. **Results:** it has been discovered that in antique times the people's elect only had a responsibility of moral character, in medieval Europe and in Russia the representation of the population was very limited. It has been found out that the question of the juridical fixation of the mutual obligations of the people's representatives and the population has only become essential in modern times. **Conclusions:** the notions of the imperative and free mandates do not reflect the variety of real relations between the elect and electors. In real history, there has always been a combination of both, depending on specific conditions. In modern conditions, the elements of real accountability and the recall of a deputy can take place only at the level of local self-government.

Keywords: deputy status; imperative and free mandate; representation of the people; mandates for deputies; deputy recall

Введение

Вопрос о правовом положении лиц, избираемых населением для участия в осуществлении государственной власти, всегда был в поле зрения философов, политологов, социологов, историков и юристов. Рассматривался он под разными углами зрения, в частности, при анализе форм государственного устройства и политических режимов, народного суверенитета и разделения властей, парламентаризма и теории естественных прав человека. Немалое количество публикаций посвящено проблеме так называемых императивного и свободного мандатов депутата представительного органа власти.

Рассмотреть все аспекты взаимодействия населения и избираемых им лиц – задача абсолютно непосильная, тем более в рамках журнальной статьи. Встает вопрос: какие из названных аспектов являются наиболее важными, имеющими принципиальное значение? Представляется, что такая роль может принадлежать, в частности, проблеме уже упомянутого импе-

ративного мандата и его антипода – свободного мандата депутата представительного органа государственной власти.

Под мандатом депутата представительного органа принято понимать элемент правового статуса депутата, характеризующий юридическое отношение депутата и уполномочивающих его избирателей на осуществление воли народа в представительном органе [5, с. 133].

В современной литературе по конституционному праву воспринята позиция европейских авторов о существовании двух видов мандатов народных избранников (замечу в скобках, что, видимо, точнее говорить о двух видах правового статуса депутата, ибо помимо характеристики связей с избирателями мандат включает и другие элементы правового положения депутата). Как кратко формулирует А. Н. Диденко, критериями являются «наказы – отчеты – отзыв» [5, с. 133]. Если избиратели дают наказания, то они обязательны для исполнения и за реализацию их депутат обязан отчитаться перед избирателями. Если они не реализованы, то по

установленной процедуре депутат может быть досрочно отозван. Такие отношения принято именовать императивным мандатом. Соответственно, свободный мандат означает отношения, характеризующиеся отсутствием данных элементов и механизма их реализации.

Современные исследователи проблемы в рамках конституционного права Российской Федерации придерживаются таких же представлений. Наиболее полно в курсах конституционного права Российской Федерации вопрос изложен С. А. Авакьяном. Автор, в частности, пишет о том, что императивный мандат характеризуется наличием обязательных наказов, отчетностью депутатов, правом отзыва депутатов избирателями. Свободный мандат означает отсутствие связанности депутатов наказами, возможность информирования избирателей, но отсутствие права на отзыв депутата [1, с. 441–443].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и в курсе С. А. Авакьяна, а также в курсе Е. А. Козловой и О. Е. Кутафина по конституционному праву России справедливо утверждается, что в соответствии с действующим российским законодательством и сложившейся практикой депутаты Государственной Думы обязаны поддерживать связи с избирателями, анализировать жалобы, письма и обращения населения, проводить встречи с избирателями, информировать их о проделанной работе [10, с. 435].

Кроме того, действующее законодательство Российской Федерации допускает при определенных условиях возможность отзыва депутата законодательных органов субъектов РФ и депутатов муниципальных органов. В этих условиях возникает вопрос: достаточно ли считать, что наличие императивного и свободного мандатов исчерпывает характеристику отношений избирателей и представляющих их представителей в органах государственной и муниципальной власти? Ответ, скорее всего, очевиден.

Анализ взаимоотношений избранных депутатов представительных органов и граждан только в рамках императивного и свободного мандатов не отвечает запросам сегодняшнего дня. Они не отражают уровня развития демократии в современных условиях, в частности, с позиции развития и совершенствования участия народа в осуществлении государственной власти.

Современный исследователь проблем власти А. И. Хорошильцев, в принципе, справедливо отмечает, что отзыв выборного народного представителя является одной из форм прямого правления народа, необходимым способом реализации обратных связей между народом и гос-

ударством. Через него народ, общество, оказывают воздействие на государство, оценивают решения и действия органов и должностных лиц государства. Если они оказываются неадекватными, неминуемо накапливаются ошибки и финал трудно прогнозируем [17, с. 180–186].

В связи со сказанным представляет интерес возможность проследить развитие института отзыва (или его отсутствия) избранных представителей от избравшего его населения в исторической ретроспективе.

Статус избранных представителей в античных государствах

Наиболее полно и наглядно особенности статуса народных избранников можно проследить на примере развитой античной демократии, существовавшей в некоторых греческих городских республиках, в частности в Афинской республике в период ее расцвета. Это объясняется тем обстоятельством, что она была своеобразным эталоном, а также тем, что для ее характеристики сохранилось значительное количество достаточно убедительных и достоверных свидетельств.

Анализ характера власти в Афинской республике содержится во многих исследованиях. Обратимся к достаточно известной книге В. Иванова «Теория государства» [9]. Созданная в 462 г. до н. э. экклесия как собрание всех граждан имела огромные полномочия. Все свободные мужчины, граждане Афин, имели равные права на участие в работе экклесии, хотя посещаемость была крайне низкой, поэтому приходилось применять принудительные меры, позднее была введена плата за посещение собраний.

Помимо экклесии было учреждено огромное количество государственных должностей, замещавшихся на условиях постоянной ротации. Существовали и выборные должности, к числу которых были отнесены только самые ответственные, требовавшие специальной подготовки (военачальники и казначеи).

В. Иванов подробно излагает споры, существовавшие как между древнегреческими мыслителями (Платон, Аристотель), так и между европейскими авторами нового времени (Монтескье Ш., Руссо Ж.-Ж) вплоть до наших современников (И. В. Меланченко, Б. Манен), по поводу того, какой из способов, выборы или жребий, является более демократичным [9, с. 166–174]. Не ставя задачу оценить выводы В. Иванова о том, что ни выборные должностные лица, ни получившие должности путем жребия не являются подлинными представителями народа, народ лишь признавал их власть над собой, со-

глашался с нею [9, с. 175], отмечу, что для нас важно указать, что при этой системе существовали нормы, позволявшие признать, что налицо была связь между избранными или получившими должность по жребию и обществом.

Это, в частности, проявлялось в том, что кандидатов, на которых пал жребий, проверяли на гражданскую состоятельность и политическую благонадежность. Если при этом выяснялось, что они, например, не платят налоги, нарушают принятые нормы нравственности, то их не допускали к должности. Граждане могли выдвинуть обвинения и против действующих должностных лиц, добиваться их временного отстранения до судебного решения об оправдании или отрешении от должности.

В Афинах существовали запреты занимать должности более двух раз подряд, а некоторых – даже более двух раз в жизни. На протяжении времени менялись отношения между органами, происходило формальное разделение высшей власти между ними, но сохранялась обязанность каждого, кто исполнял должность по жребию, отчитаться о своей деятельности [9, с. 171–174].

Подводя итог исследованию роли выборных представителей афинян в осуществлении государственной власти, В. Иванов пишет о том, что в Афинах были созданы условия для того, чтобы каждый желающий гражданин мог реально, пусть недолго, участвовать в осуществлении власти. Этому содействовали ограниченные территория и численность, достаточная культура и относительно незначительное социальное неравенство, наличие у граждан необходимого количества времени для участия в политической жизни.

Следует только уточнить, что гражданское общество Афин не включало всех жителей государства и даже всех свободных граждан. В. Иванов называет этот режим мерократическим [9, с. 177–179]. Что же касается гарантий прав, то, по сведениям Г. Еллинека, политические права афинян гарантировались достаточно развитым законодательством. Участие в политической жизни явно осознавалось и признавалось в качестве юридических прав, и права эти получали судебную защиту [7, с. 310]. Хотя более точных сведений не приводится.

Г. Еллинек отметил также, что в развитом Римском государстве признание гражданина как носителя притязаний на исполнение государством его обязанностей и на участие в государственной жизни было содержанием юридической мысли римлян. Более того, по мнению Г. Еллинека, непосредственное политическое влияние на современные государства антич-

ность оказала именно через римское государство [7, с. 315–316].

Анализируя в целом идеи представительства народа избранным органом применительно и к Элладе, и к Риму, он пишет о том, что там, где народ может действовать сам, надобность в представительстве отсутствует. Но в тех случаях, где действие всего народа по естественным причинам невозможно, и в Элладе, и в Риме действия должностных лиц, избранных или определенных по жребию, являются представительством и рассматриваются как действия самого народа, порождающие для него права и обязанности. Избранному лицу дается публично-правовой мандат, который дает право совершать предусмотренные для него законами действия по его свободному усмотрению [7, с. 543–544]. Хотя, как об этом сказано выше, они обязаны отчитаться по окончании срока об исполнении обязанностей.

Собственно об этом, правда весьма кратко, пишут и современные российские исследователи проблем мандата выборных представителей. Так, в уже упомянутой работе А. Н. Диденко говорится о том, что отдельные признаки императивности существовали уже в политических системах античных демократий [5, с. 133]. А. В. Малько и В. Н. Синюков также пишут о том, что в Афинах чиновники подлежали ответственности за нарушения и обязаны были отчитаться за сделанное по окончании срока. Ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей существовала и в Риме, где она носила скорее политический характер [12, с. 13].

Таким образом, подытоживая сказанное о характере мандата народа в условиях античной демократии, можно заключить. В античных государствах, прежде всего в государствах-полисах на территории Греции, в органах, принимавших наиболее важные решения, напоминающих современные представительные органы государственной власти, вопрос о характере мандата не имеет смысла, поскольку в их работе могли принять, а зачастую и фактически принимали, участие все взрослые свободные граждане. В более поздние времена вопроса об ответственности, отзыве членов органов, подобных современным органам представительной власти, также не возникало, поскольку сами органы формировались отнюдь не путем свободных выборов, а главное, вопрос о судьбе членов этих структур (например, Сената Рима) решался путем открытой политической борьбы враждующих группировок, как, впрочем, и вопрос об ответственности чиновников, о чем речь шла выше.

Этот вывод не противоречит приведенной ранее мысли Г. Еллинека о главенствующем влиянии на последующее время опыта Рима. У него речь идет лишь о юридическом аспекте, отражении идей полновластия народа в законодательстве.

Что же касается статуса выборных и определяемых жребием чиновников, которых вполне можно уподобить современным представителям исполнительных органов власти, то сам факт их легитимизации носил демократический характер. В этом смысле они были представителями афинского народа, подобно представителям органов власти последующего времени. Их мандат, пользуясь современным языком, не был ни свободным, ни императивным. Эти термины просто не отражают его природу. Их ответственность носила моральный характер, она не закреплялась юридически, хотя они и обязаны были отчитаться о своей деятельности по окончании срока.

Идеи представительного правления в средневековой Европе и Руси

В средневековой Европе феодальные государства представляли собой, прежде всего, организованную власть феодалов, землевладельцев. К тому же имелись глубокие противоречия как внутри самого правящего класса, так и между государственной и церковной властью. Рассматривая проблему с позиции характеристики государственно-правового режима, В. Иванов справедливо пишет о том, что феодализм тесно связан с аристократией и олигархией и принципиально представляет собой «властвование многих над всеми остальными» [9, с. 218–219].

Характеризуя средневековое феодальное государство, Г. Еллинек называет его сословным и дуалистическим, что является проявлением того, что оно никогда не сосредотачивало в своих руках всю публичную власть, в нем существовали иные власти, представляющие организации феодалов, отдельных сословий, муниципалитетов и церкви, зачастую противостоящие королю или владетельному князю [7, с. 320–321]. Близкую оценку можно найти и в советской литературе. В частности, авторы раздела курса теории государства и права также пишут о фактической зависимости монарха от сословий, вызывавшей существование сословно-представительных учреждений, которые, однако, не имели ничего общего с подлинным народным представительством [13, с. 218].

Знакомство с доступной литературой по вопросам статуса представителей сословий в представительных учреждениях средневековых государств показывает, что состав представи-

тельных органов формировался самыми разными способами, далекими от современных представлений о демократических выборах. Значительная часть мест предоставлялась на основе происхождения, принадлежности к аристократическим родам, церковным иерархам и т. д. Это имело место и при формировании английского парламента, французских Генеральных Штатов и органов власти других стран.

Говорить в этих условиях о природе и особенностях мандата представителей вряд ли возможно в принципе. Однако по сведениям ряда авторов вопрос о характере мандата представителя (избранника) уместен в отношении представительных органов некоторых средневековых городов, а также при организации самоуправления на уровне устойчивых общин, коммун. В. Иванов называет это явление фрагментарными «рецидивами» классической демократии [9, с. 178].

Разумеется, и в этих случаях говорить о подлинном учете мнения, а тем более воли населения вряд ли возможно. Однако несомненной заслугой средневековых городов следует признать сохранение ими самой идеи существования и закрепления властных прерогатив за выборными органами народного представительства. К сожалению, в современных исследованиях даются лишь краткие сведения о существовании элементов императивности в отношении населения и избранных представителей в органах самоуправления городов того периода.

Так, А. В. Малько и В. Н. Синюков в названной выше работе пишут о том, что институт ответственности и отзыва избранных появился в городах Европы применительно к должностным лицам и судьям, избираемым населением. Они называют его нетипичным [12, с. 13–14]. Им вторит А. Н. Диденко, связывая этот институт с борьбой за власть становящегося класса буржуазии [5, с. 133].

Избранные населением представители, осуществлявшие известные властные полномочия, существовали и в российских городах-республиках – Новгороде и Пскове. И даже в отдельных русских княжествах. Речь, в частности, идет о старостах и сотских, а с XVI в. – сотских целовальниках, земских судьях, волостных судейках, губных головах. Однако исследователи признают, что применительно к более раннему периоду о порядке выборов, сроках и ответственности выборных сведений не сохранилось. Интересно, что в случае неисполнения обязанностей старостами на население возлагалась ответственность в виде возмещения убытков потерпевшим от воров и разбойников [16, с. 225–227].

Историки права достаточно подробно исследовали проблему в рамках изучения губной и земской реформ XV–XVI вв. в Русском государстве. Интересно, что зачастую выборы проводились совместно крестьянами, посадскими и дворянами (речь, разумеется, идет не о крепостных, а черносошных, свободных крестьянах). Губные выборы во многом носили всесловный характер. Позднее порядок изменился: ряд должностных лиц избирался отдельно крестьянами и посадскими (горожанами). Головы избирались всеми, как правило, из дворян. Избрание было действительным только при единогласном голосовании. И здесь, как и в более ранний период, деятельность выборных губных учреждений была в известной мере подотчетна. В случае убытков должностные лица несли ответственность перед пострадавшими, обязаны были возместить убытки. В случае их несостоятельности эта обязанность возлагалась на население, избравшее данных лиц [16, с. 228–229].

Здесь нет необходимости излагать достаточно исследованную историками систему губного и земского самоуправления того периода. Отметим еще раз, что земские власти были избираемы всеми сословиями, кроме служилых людей. Избрание было бессрочным, но за населением призналось право отозвать, «переминуть» выбранных. Протокол выборов отсылался в Москву на утверждение. Земские власти вызывались в Москву для дачи присяги. Полномочия земских властей касались, прежде всего, хозяйственных, денежных, судебных дел. Они ведали также сбором ряда налогов и отсылкой собранного в Москву.

Земская и предшествовавшая ей губная реформы местного самоуправления планировались, как полагают исследователи, как общегосударственные. Однако в полной мере они были осуществлены лишь на территориях Русского Севера. Губное и земское самоуправление осталось нереализованным до конца, было заменено повсеместно приказно-воеводским управлением. Его введение не привело к полному уничтожению самоуправления. Губные и земские учреждения кое-где продолжали существовать и при воеводах, сохраняя в некоторых сферах свою относительную независимость [15, с. 109–110].

Итак, применительно к Русскому государству представительные органы, избираемые населением городов и сельских поселений, существовали с образования государственности. Их полномочия, порядок образования не отвечали современным представлениям о демократии, но сам факт их сохранения заслуживает положительной оценки. Говорить о характере ответственности (природе мандата выборных

лиц) по ряду причин, прежде всего из-за недостатка достоверных сведений, достаточно проблематично, но можно отметить, что имели место и своеобразные наказания избранным и даже элементы замены избранных в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей.

Система местного самоуправления была реформирована земской реформой 1864 г. О ней существует обширная литература, однако большинство авторов единодушны в ее оценке как реформы, исключившей возможность реального влияния земских органов на любые сферы жизни, кроме чисто хозяйственных вопросов местного характера. Нисколько не умаляя позитивных моментов, надо отметить, что и сословный характер, и многоступенчатость выборов, незавершенность создания и изъятия из ведения земства ряда вопросов по контрреформе 1890 г. не дают оснований для более подробного ее анализа и позитивных оценок.

Следует только отметить, что Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. (опубликовано в Собрании Законов Российской Империи, отд. I, Т. 39, № 40457) содержит ст. 88, в соответствии с которой устранение от должности голосуется закрытым (тайным) голосованием Земского собрания, а окончательное решение в соответствии со ст. 117 принимается Губернским земским собранием или определением Правительствующего Сената. Никаких элементов, связанных с наказаниями или ответственностью избранных, Положение не предусматривает.

Из материалов, подлежащих анализу в данном разделе работы, остались, пожалуй, самые интересные и важные – о деятельности Земских Соборов в России. Здесь надлежащим путеводителем и источником фактических сведений могут быть уже цитированная книга В. И. Сергеевича и монография по истории русского права под редакцией В. С. Нерсисянца.

Сначала несколько слов о Боярской Думе, которую в известном смысле можно назвать предшественницей выборных учреждений, которыми в XVII в., несомненно, стали Земские Соборы.

Природа Боярской (царской) Думы не получила однозначной оценки в исторической литературе. Оспариванию подвергается даже сам термин, который имел несовпадающее значение в разные периоды. С XVI в. «Дума» государя «с бояры» стала постоянной. Вопросы обсуждались до принятия единодушного решения. Однако Дума не ограничивала власть царя, она была совещательным органом, в котором, с одной стороны, участвовали родовитые удельные

князя и бояре, а с другой – привлекаемые царем представители с мест и духовенство, в частности дьяки.

Попытка царя опереться на неродовитых людей встречала сопротивление высшего слоя боярства. Это приводило к изменению состава Думы, возникновению «Ближней» или «Тайной» Думы и т. д. Состав Думы постоянно расширялся за счет думных дворян, окольных и т. д. Дума принимала участие в обсуждении проектов указов царя, решении конкретных вопросов управления и судебной деятельности. Полномочия Думы вполне могут быть сопоставлены с полномочиями представительных органов (естественно, с немалой натяжкой). Однако что касается предмета данной работы, то можно только отметить факты рассмотрения Думой челобитий отдельных лиц, общин и классов населения [15, с. 92]. Других сведений о характере отношений Думы с населением в литературе не имеется. Это и понятно, поскольку состав Думы, ее формирование целиком зависели от царя и население к этому отношения не имело.

Что касается земских соборов, то их история и правовой статус исследованы в литературе достаточно полно. Интересен тот факт, что исследования дореволюционных русских историков права (В. И. Сергеевича, Б. Н. Чичерина) проведены сравнительным методом на фоне анализа природы французских Генеральных Штатов и английского Парламента. Общий вывод, в частности В. И. Сергеевича, состоит в том, что представительные учреждения названных трех стран возникли вследствие действия одинаковых причин и сходства условий их становления [16, с. 123].

Анализ протоколов земских соборов, проведенный В. И. Сергеевичем, показывает, что состав соборов формировался двумя путями: путем приглашения государем и путем избрания [16, с. 131]. Приглашение касалось высшего духовенства и части служилых людей. Низшее духовенство и низшие разряды служилых людей избирались. Разные чины тягловых людей (торговые люди или посадские, а также некоторая часть еще остававшихся свободных крестьян в 1613 г.) на земские соборы избирались. Количество избираемых, размер представительства и порядок избрания были непостоянными и могли меняться от собора к собору. Предложение о выборах от имени царя направлялось на имя воевод или губных старост. Интересно, что при этом предписывалось избирать «добрых и разумных людей», которые могли бы рассказать о нуждах и проблемах, существующих на местах [16, с. 135–138].

Эти факты свидетельствуют о существовании уже к тому времени элементов императивности в мандате избранных. (Хотя о самом мандате в нынешнем значении этого слова говорить вряд ли возможно.) Известно, например, что Уложение 1649 г. было составлено и принято по инициативе выборных людей, в таком же порядке вносились позднее и изменения в названное уложение [16, с. 158–159]. По требованиям, содержащимся в челобитных выбранных людей, устранялись наиболее вопиющие случаи злоупотребления властью, произвола чиновников и высшего духовенства и т. д. [16, с. 172]. Это признают и исследователи советского периода [15, с. 99].

Итак, заканчивая раздел, посвященный анализу статуса представителей населения в средневековой Европе и России, следует отметить, что при всех особенностях, характерных для отдельных органов и проявившихся в разные периоды существования отдельных государств, есть нечто общее, присущее многим. В частности, общее состоит в том, что порядок образования и функционирования представительных сословных органов (Парламент Англии, Генеральные Штаты во Франции, Боярская Дума и Земские Соборы в России) исключают саму постановку вопроса о природе мандата представителей. Когда значительная их часть входила в состав по принадлежности к светской или духовной аристократии или по прямому повелению монарха, можно вести речь лишь о моральной или политической (утрате доверия) ответственности.

Однако элементы зависимости избранных от избравшего их населения в виде обязанности доставлять прошения, челобитные существовали практически во всех странах. Но они носили скорее не правовой, а моральный характер. Не существовало и четких процедурных правил. Даже требование о количестве представителей того или иного города или иного поселения и предложение посылать «добрых людей» зачастую не выполнялось. Так, например, на собор 1616 г. от Перми Великой было предложено послать «лучших, добрых и разумных» трех посадских людей. Не был ни один послан. Царь лишь посетовал на это. На собор 1651 г. Арзамасу было предложено послать двух дворян и двух посадских людей. Никто не был послан. На письмо царя воевода ответил формальной отпиской [16, с. 136–138].

В эпоху абсолютизма деятельность общегосударственных представительных органов либо была прекращена, либо фактически данные органы потеряли свой прежний статус. Однако идея народного представительства не умерла.

И заслуга в этом во многом принадлежит средневековым городам-республикам (Генуе, Венеции, Флоренции и другими в Европе, Новгороду Великому и Пскову на Руси). Здесь существовали представительные органы и выборные должностные лица. Их роль могла быть разной, но важен факт существования.

Следует отдать должное и органам местного самоуправления (муниципалитеты в Европе, губское и земское самоуправление в России). При ограниченности полномочий они, тем не менее, сохранили институт представительной власти.

Что касается характера отношений и, выражаясь современным языком, природы мандата представителей, избранных населением, то избранные почти никак не зависели от избирателей. Лишь в отдельных случаях наблюдаются, как приведено выше, элементы обязательности выполнения наказов и рассмотрения жалоб и «челобитных» грамот, посланных через представителей. Отношения эти, насколько можно судить по имеющимся данным, правовыми актами не регламентировались и не носили юридического характера.

Статус членов представительных органов в условиях нового времени

Сделанный краткий обзор взаимодействия представителей и избравшего их населения вряд ли позволяет считать, что в период зарождения и становления представительных органов в Европе и России появился императивный мандат, позволявший сословиям защищать таким образом свои интересы [1, с. 442]. Элементы отстаивания интересов избравших, как показано, имели место. Но возможность отзыва, что, собственно, и считается главным проявлением императивного мандата, встречается крайне редко и не отмечена в известных научных исследованиях и документах. Поэтому трудно согласиться с утверждением о том, что широкое распространение императивный мандат получил в Средние века [5, с. 133].

Не являются в полной мере обоснованными и утверждения о том, что в новое время вследствие буржуазных революций в государствах Нового и Старого Света свободный мандат начал свое «победное шествие» [5, с. 133]. Если обратиться к анализу споров вокруг характера отношений между избирателями и депутатами во Франции конца XVIII в., то найдем здесь целую палитру мнений. Этот анализ содержится в обстоятельной статье А. И. Гройсберг [4, с. 10–13].

Автор, в частности, отмечает, что, вопреки позиции Руссо, представители демократических кругов отстаивали идеи представительной вла-

сти. Последовательным сторонником идеи представительной власти, в частности, был Робеспьер. Он считал, что народные избранники обязаны представлять в определенные сроки точные и подробные отчеты о своей деятельности, которые должны публиковаться в печати. Сторонниками идеи ответственности депутата перед избирателями были временный председатель Конвента Эро де Сешель, председатель Конвента и председатель Директории Э.-Ж. Сийес и другие известные деятели. К числу противников относился, например, будущий министр иностранных дел Франции Талейран [4, с. 10–13].

А. И. Гройсберг приводит несколько весьма характерных цитат по поводу статуса депутатов. Они принадлежат перу видных деятелей французской революции и мыслителей. Так, Мабли считал, что избиратели должны иметь право лишить полномочий своего представителя [14, с. 244]. Однако Морнет предостерегал, что при переходе от теории к практике народное представительство может вырождаться в деспотическую демократию [15, с. 95].

Известно, что в последующем развитии парламентаризма в Европе победила идея так называемого свободного мандата. Однако то обстоятельство, что в период Великой Французской революции она отнюдь не была самоудовлетворяющей, требует какой-то оценки. Можно рискнуть предположить, что это могло быть связано с особым характером данной революции. Известны слова Маркса о том, что она была наиболее последовательной и разделалась с феодализмом решительным образом. Возможно, именно особо острый характер противоречий, в том числе внутри самого буржуазного класса, и способствовал столь противоположным подходам. Обращает на себя внимание и то, что сторонниками отчетности депутатов и их отзыва были наиболее радикальные деятели в период наивысшего накала политической борьбы.

Франция явилась «ареной» возврата к идее отчетности и отзыва избранных депутатов и в XIX в. Речь идет о Парижской Коммуне 1871 г. А. В. Малько и В. Н. Синюков пишут о том, что идеи обязательности наказов и отзыва депутатов возрождаются в период острого столкновения политических группировок, противоборства социальных сил [12, с. 14]. Им вторит и А. Н. Диденко [5, с. 133].

Соглашаясь с этим, вместе с тем вряд ли можно поддержать мысль А. В. Малько и А. Н. Синюкова о том, что право отзыва выступает составным элементом иной политической власти, противоположной либеральному государству Локка и Монтескье [12, с. 17]. Как от-

мечено выше, во времена французской революции конца XVIII в. целый ряд сторонников либеральной буржуазной государственности отнюдь не были противниками идеи отчетности депутатов и возможности их отзыва.

Скорее всего, идеи отчетности и отзыва использовались в острой политической борьбе сторонниками различных политических течений, порой отстаивающими противоположные классовые интересы. Очевидно, это помогало (или могло помочь) привлечению на свою сторону избирателей, поскольку содержало известный демократический потенциал: провозглашалась прямая зависимость деятельности депутатов от воли избирателей. Хотя реализовать этот принцип на практике (в том числе в СССР) никогда никто не пытался. Да и вряд ли это могло бы быть реализовано, по крайней мере, применительно к депутатам общегосударственного представительного органа. Среди прочих факторов для реализации права отзыва депутатов необходим известный уровень общей и правовой культуры избирателей, который всегда был (да и продолжает оставаться до сих пор) недостаточным.

Обратимся к опыту становления российского парламентаризма в начале XX в. Приведем известный факт: в начале XX в. население Российской империи составляло около 126 млн, из них крестьян – около 100 млн. Более половины крестьян были неграмотными [6, с. 51]. Могли ли они организовать и отозвать депутата Государственной Думы при многоступенчатых неравных выборах? Ответ очевиден.

Но начать, видимо, следует не с этого. История становления парламентаризма, создания народного представительства в виде Государственной Думы достаточно хорошо изучена. Причем установленная система выборов и правовой статус депутатов Государственной Думы всех созывов в начале XX в. вообще не содержат упоминаний об ответственности депутатов перед избирателями и возможности отзыва депутатов Государственной Думы.

Один из известных современных исследователей этой проблемы И. А. Кравец пишет по этому поводу, что невыполнение предвыборных обещаний депутатов, их обязательств перед избирателями осуждались политической моралью [11, с. 260–261]. Но даже в этом приходится сомневаться, ибо трудно совместить моральную ответственность депутатов из-за социал-демократов и эсеров, избранных как сторонников земельной реформы, как правило атеистов, дававших клятву перед началом работы Думы перед Богом в верности императору и провалившихся голосование по реформе [11, с. 261].

Отсутствие зависимости депутатов от избравших их представителей народа и возможности их отзыва по законодательству царской России начала XX в. оценивалось далеко не однозначно учеными того периода. Не ставя задачи углубиться в анализ проблем, приведем лишь два высказывания. Так, А. А. Жижиленко утверждал, что только тогда народные представители будут надлежащим образом выполнять свои функции, когда будут чувствовать себя свободными, давать отчет о своих действиях только себе, перед своей совестью [8, с. 21].

Напротив, известный ученый В. М. Гессен, признавая, что, по конституциям государств начала XX вв. каждый отдельный депутат не может быть связан поручением или мандатом своих избирателей, вместе с тем подверг это положение сомнению и критике. По его мнению, избирательный закон в России 1905 г. имеет два порока: признание депутата представителем всего народа не исключает того, что он будет реально защищать интересы избравших его, и, кроме того, эти интересы могут иметь искусственный или случайный характер и постоянно меняться [3, с. 192–194]. Очевидно, не без влияния идей Руссо уважаемый ученый отмечает, что признание полновластия представительной власти и отсутствие зависимости депутатов от избравшего их населения предполагают недееспособность народа и отрицание народного суверенитета [3, с. 141].

Но в целом можно сказать, что к началу XX в. идея зависимости депутатов перед избирателями, их ответственности за выполнение предвыборных обещаний и возможности отзыва избирателями была окончательно похоронена. В литературе, насколько удалось установить, не упоминается и об ответственности и возможности отзыва депутатов на уровне муниципальных органов власти.

Однако эта идея и, в известном смысле, основанная на ней практика были реанимированы в ходе российской революции 1917 г. Но если созыв Учредительного собрания и начало его работы в ноябре 1917 г. не связаны напрямую с реализацией принципов обязательности наказов и возможностью их отзыва, то деятельность большевистской власти, оформившейся после первых съездов Советов, по сути, началась в данном вопросе с попытки внедрить возможность отзыва депутатов представительных учреждений.

Во время подготовки к созыву Учредительного собрания, выборы в которое шли и после установления советской власти, большевистская партия пыталась изменить состав депутатов Учредительного собрания. Это связано с тем,

что списки кандидатов формировались до октября 1917 и отражали соотношение политических сил, имевшее место после Февральской революции 1917 г.

Дело, скорее всего, не в том, что «...большевики с завидным упорством старались внедрить опыт Парижской Коммуны» [5, с. 133–134], а в конкретных условиях острой политической борьбы и смене самой социальной основы власти после ноября 1917 г. Именно в этих условиях был принят декрет ВЦИК «О праве отзыва делегатов», в котором прямо сказано, что изменение соотношения классовых сил и отношения избирателей к партиям вызывает потребность в перевыборах по конкретному избирательному округу, где несоответствие между составом избранных и избирателей явно, несомненно. Вопреки утверждению Л. Г. Протасова декрет предоставил право отзыва отнюдь не Советам [14, с. 368], а именно избирателям. В тексте декрета прямо сказано, что съезд Советов избирательного округа имеет право назначить при наличии оснований перевыборы во все представительные учреждения, включая и Учредительное собрание. Сами же перевыборы происходят обычным порядком¹.

Интересно, что мысль о необходимости соответствия состава представительного органа конкретному соотношению политических сил на определенный момент и необходимости принятия соответствующих решений содержится и в декрете ВЦИК РСФСР «О роспуске Учредительного собрания», в котором прямо говорится, что Учредительное собрание на январь 1918 г. «явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты»².

Но с укреплением советской власти в начале 1918 г. вопрос об отзыве депутатов уже не стоял так остро и в Конституции РСФСР, принятой Всероссийским съездом Советов 10 июня 1918 г., содержалась лишь одна ст. 78, в которой сказано, что избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы согласно общему положению³.

Оценивая попытки реанимации подхода, в соответствии с которым социальные слои, классы и группы могли бы отстаивать свои интере-

сы через представителей, выбранных в состав органов государственной власти, следует отметить, что в самом этом подходе ничего антидемократического нет. Но он, как уже отмечено, никогда не был реализован до конца. Даже в период, когда элементы его были достаточно серьезны, он не был господствующим, использовался наряду с подходом, именуемым свободным мандатом.

Оценивая это, Г. Еллинек пишет о том, что в Англии в эпоху Тюдоров (конец XV – начало XVII в.) порядок, когда избранный получал инструкцию от избирателей и был обязан давать им отчет в исполнении поручения, исчезает. Избранные считаются представителями всего народа. Такая же метаморфоза, только несколько позднее, произошла во Франции, где наказания хотя и сохранялись еще некоторое время, но реального значения не имели [7, с. 546–550].

Естественно, что автор, по сути, уклоняется от анализа причин, повлекших данные изменения, его мировоззрение вряд ли могло позволить сделать это. Как уже отмечено, главная причина – острая политическая конкуренция, борьба за власть. Буржуазия и ее представители, рвавшиеся к власти и господству в представительном органе, делали это, как правило, прибегая к реформам в статусе избранных. Большевики в России в 1917–1918 гг. – путем исключения из числа избирателей представителей прежде господствующих классов и лишь во вторую очередь путем внедрения института отзыва депутатов. Разница, конечно, есть, но результат получился фактически одинаков.

И здесь надо отметить еще одно обстоятельство, приведенное Г. Еллинеком. Автор пишет о том, что организация работы представительных учреждений на основе инструкций избирателей исключает возможность плодотворного обсуждения и решения вопросов. Новые проблемы, которые не могли быть предусмотрены в наказах, влияют на то, что наказания приобретают самый общий характер. А в таком виде они становятся просто ненужными [7, с. 547–549].

Скорее всего, именно это обстоятельство повлияло и на судьбу института отзыва депутатов в СССР. После упомянутой Конституции РСФСР 1918 г. право отзыва депутатов представительных органов было закреплено во всех Конституциях СССР и РСФСР, конституциях союзных республик. Но обращает на себя внимание тот факт, что, хотя Конституция СССР 1936 г. предусмотрела отзыв, соответствующие законы, устанавливающие порядок отзыва депутата, были приняты лишь в 1959 г. То же самое произошло и с Конституцией 1977 г., сохранившей институт отзыва депутатов. И здесь со-

¹ Декрет ВЦИК о праве отзыва делегатов от 21 нояб. 1917 г. // Собрание Указаний РСФСР. 1917. № 3, ст. 49 (утратил силу).

² Декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания от 6 янв. 1918 г. // Собрание Узаконений РСФСР. 1918, № 15, ст. 216 (утратил силу).

³ Конституция РСФСР 1918 г. // Известия ВЦИК РСФСР. 1918. № 158. 27 июля.

ответствующие законы были приняты много лет спустя. А случаи их фактического использования носили единичный характер [12, с. 20–21].

В Конституции Российской Федерации 1993 г. уже нет упоминания о наказах депутатам и возможности их отзыва избирателями. Нет соответствующих норм и в Федеральном законе РФ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ» от 8 мая 1994 г. Конституционный суд РФ Постановлением от 12 апреля 2002 г. № 9-П дал официальное толкование этому факту, установив, что отсутствие соответствующих норм означает, что депутаты должны руководствоваться Конституцией РФ и своей совестью. Это достаточно исследовано в современной литературе [5, с. 134].

Существенные особенности имеются в правовом статусе депутатов представительных органов субъектов РФ и органов местного самоуправления. В ряде субъектов приняты законы об отзыве депутатов представительных органов государственной власти и местного самоуправления, кое-где о наказах избирателей и отчетности депутатов. Однако исследователи данных проблем справедливо пишут о том, что и содержание данных законов, и практика их реализации не дают оснований подвергать сомнению общую оценку современного состояния как свободного мандата с элементами императивного или полусвободного мандата [5, с. 134].

Но известные элементы того, что составляет императивный мандат, есть и у депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации Федерального собрания РФ. Это обязанность отчетов (хотя бы информационного характера) перед избирателями. Изменение порядка формирования Государственной Думы и избрание половины депутатов по партийным спискам предполагают фактически отзыв депутата в случае выхода его из состава фракции партии, по спискам которой он был избран. При этом предлагается внедрить особое понятие и соответствующий термин – «партийный императивный мандат» [2, с. 19–22].

Не хотелось бы подвергать сомнению права авторов на присвоение терминов для обозначения новых явлений и соответствующих понятий. Но получается, что наряду со свободным и императивным мандатами есть императивные с элементами свободного, свободные с элементами императивного, полусвободные, наконец, императивные партийные мандаты. Недостает только полуимперативного партийного мандата. Причем авторы, предлагающие соответствующие понятия, не утруждают себя попытками сформулировать определения данных понятий.

Это приводит к мысли о том, что стоит сохранить термины «свободный» и «императивный мандат» как абстрактные понятия для обозначения явлений, которые никогда в истории не существовали в чистом виде. Да и вряд ли в принципе могут существовать. Как показал наш краткий исторический экскурс, правовой статус избранных населения всегда имел элементы и свободного, и императивного мандатов с преобладанием того или иного подхода.

Разумеется, изучение проблемы природы отношений депутат – население необходимо продолжить как в социальном, так и в правовом аспектах в рамках и общей теории права, и конституционного и муниципального права, и иных научных направлений, не связывая себя рамками свободного, императивного или каких-либо иных стереотипов.

Выводы

То обстоятельство, что частные выводы содержатся в каждом разделе статьи, освобождает автора от их повторного изложения. Необходимо подчеркнуть лишь, что особое значение имеют два положения. Первое: попытка ограничиться при анализе взаимоотношений населения и избираемых ими представителей для участия в осуществлении государственной власти исследованием природы императивного и свободного мандатов не является плодотворной. Два названных вида являются лишь понятиями, отражающими теоретические конструкции. В реальной жизни во все времена имело место сочетание признаков, характерных для этих видов мандатов во взаимоотношениях избирателей и представляющих их депутатов или иных лиц.

На отдельных этапах истории в отношении «избиратели – депутаты» могли преобладать те или иные характеристики. Это зависит от конкретно-исторических обстоятельств и имеет место прежде всего при смене социально-экономической природы (типа) государства.

Второе: в условиях современной России внедрение элементов так называемого императивного мандата (обязательные наказания, возможность отзыва депутата) на федеральном уровне и уровне субъекта федерации нецелесообразно. Это только способно обострить экономические, социальные и политические противоречия, дезорганизовать работу представительных учреждений. Это и технически, организационно трудно выполнимо, не даст гарантий выявления действительной воли избирателей, в частности, еще и по причине недостаточного высокого уровня политической и правовой культуры населения.

Что касается отзыва депутатов, избранных по партийным спискам, то здесь, скорее всего, целесообразно решать вопросы на уровне корпоративных норм, содержащихся в уставах партий и иных документах.

В любом случае депутаты Федерального собрания (депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации) и депутаты представительных органов государственной власти субъектов Федерации должны в обязательном порядке информировать избирателей о своей работе через средства массовой информации.

Выборные лица и органы местного самоуправления находятся в иной ситуации. Их работа происходит «на виду» населения. Возможность их отзыва за ненадлежащее исполнение обязанностей очевидна, как, впрочем, это и предусмотрено во многих субъектах РФ. Вызывает сомнение только возможность отзыва за неисполнение наказов, поскольку это зависит, зачастую, не только от качества деятельности самого депутата.

Библиографический список

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М.: Норма Инфра-М, 2014. Т. 1. 864 с.
2. *Васькова Л. Г.* Партийный императивный мандат – новая модель взаимоотношений депутата и избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 11. С. 19–22.
3. *Гессен В. М.* Основы конституционного права. Пг: Изд. юрид. кн. склада Право, 1918. 440 с.
4. *Гройсберг А. И.* Развитие теории суверенитета Ж.-Ж. Руссо в годы Французской буржуазной революции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 1(27). С. 8–17.
5. *Диденко А. Н.* Эволюция мандата депутата представительного органа публичной власти в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 133–136.
6. *Евреинов Г. А.* Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПб.: Изд-во «Общественная польза», 1905. 59 с.
7. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 752 с.
8. *Жижиленко А. А.* О безответственности народных представителей. Ярославль: Тип. Губерн. правления, 1909. 57 с.
9. *Иванов В.* Теория государства. М.: Территория будущего, 2010. 272 с.

10. *Козлова Е. И. Кутафин О. Е.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2015. 592 с.
11. *Кравец И. А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX в. Новосибирск: Изд-во «ЮКЭА», 2000. 368 с.
12. *Малько А. В., Синюков В. Н.* Императивный мандат: прошлое и настоящее // Правоведение. 1992. № 2. С. 12–22.
13. *Марксистко-ленинская* общая теория государства и права. Исторические типы государства и права / отв. ред. Н. П. Фарберов, Р. О. Халфина М.: Юрид. лит., 1970. 622 с.
14. *Представительная* власть в России: история и современность / под ред. Л. К. Слиски. М.: РОССПЭМ, 2004. 592 с.
15. *Развитие* русского права в XV – первой половине XVI в. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: Наука, 1986. 288 с.
16. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 488 с.
17. *Хорошильцев А. И.* Юридическая кратология: теоретические основы. М.: Юрлитинформ, 2014. 512 с.
18. *Mably G. de.* Oeuvres complètes: en 12 t. Londre. 1789. Т. 9. 404 p.
19. *Mornet D.* Les Origines intellectuelles de la Révolution française: 1715–1787. P., 1967. 552 p.

References

1. *Avak'yan S. A.* *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyj kurs v 2 t.* [Constitutional Law of Russia: tutorial in 2 vols.]. Moscow, 2015. Vol. 1. 864 p. (In Russ.).
2. *Vas'kova L. G.* *Partiynyj imperativnyj mandat – novaya model' vzaimootnosheniy deputata i izbirateley* [The Party Imperative Mandate as a New Model of Relations Between a Deputy and Voters]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2006. Issue 11. Pp. 19–22. (In Russ.).
3. *Gessen V. M.* *Osnovy konstitutsionnogo prava* [The Fundamentals of Constitutional Law]. Petrograd, 1917. 440 p. (In Russ.).
4. *Groysberg A. I.* *Razvitie teorii suvereniteta Zh.-Zh. Russo v gody Frantsuzskoy burzhuanoy revolyutsii* [The Development of the Theory of the Sovereignty of J.-J. Rousseau in the Years of the French Bourgeois Revolution]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2015. Issue 1(27). Pp. 8–17. (In Russ.).
5. *Didenko A. N.* *Evolyutsiya mandata deputata predstavitel'nogo organa publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii* [Evolution of the Mandate of the Deputy of the Public Authority's

- Representative Body in the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta* – Tomsk State University Journal. 2009. Issue 320. Pp. 133–136. (In Russ.).
6. *Evreinov G. A Reforma vysshikh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii i narodnoe predstavitel'stvo* [The Reform of the Higher Government Agencies of Russia and Popular Representation]. St. Petersburg, 1905. 59 p. (In Russ.).
 7. *Jellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve* [The General Theory of the State]. St. Petersburg, 2004. 752 p. (In Russ.).
 8. *Zhizhilenko A. A. O bezotvetstvennosti narodnykh predstaviteley* [On the Irresponsibility of People's Representatives.]. Yaroslavl, 1909. 57 p. (In Russ.).
 9. *Ivanov V. Teoriya gosudarstva* [The Theory of State]. Moscow, 2010. 272 p.
 10. *Kozlova E. I., Kutafin O. E. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyk* [Constitutional Law of Russia: textbook]. Moscow, 2015. 592 p. (In Russ.).
 11. *Kravets I. A. Konstitutsionalizm i rossiyskaya gosudarstvennost' v nachale XX v.* [Constitutionalism and the Russian Statehood in the early 20th Century]. Novosibirsk, 2000. 368 p. (In Russ.).
 12. *Mal'ko A. V., Sinyukov V. N. Imperativnyj mandat: proshloe i nastoyashchee* [The Imperative Mandate: the Past and Present]. *Pravovedenie* – Pravovedenie. 1992. Issue 2. Pp. 12–22. (In Russ.).
 13. *Marksistko-leninskaya obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Istoricheskie tipy gosudarstva i prava* [The Marxist-Leninist General Theory of State and Law. Historical Types of State and Law]. Moscow, 1971. 640 p. (In Russ.).
 14. *Predstavitel'naya vlast' v Rossii: istoriya i sovremennost'; pod red. L. K. Sliski* [Representative Authority in Russia: the Past and Present; ed. by L. K. Sliska]. Moscow, 2004. 592 p. (In Russ.).
 15. *Razvitie russkogo prava v XV–pervoy polovine XVII v.: monografiya; otv. red. V. S. Nersesyants* [The Development of the Russian Law in the 15th – First Half of the 17th Century: monograph; ed. by V. S. Nersesyants]. Moscow, 1986. 288 p. (In Russ.).
 16. *Sergeevich V. I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava; pod red. i s predisloviem V. A. Tomsinova* [Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law; ed. by V. A. Tomsinov]. Moscow, 2004. 488 p. (In Russ.).
 17. *Khoroshil'tsev A. I. Yuridicheskaya kratologiya: teoreticheskie osnovy: monografiya* [Legal Cratology: Theoretical Basis: monograph]. Moscow, 2014. 512 p. (In Russ.).
 18. *Mably G. de. Oeuvres completes: in 12 vols.* London. 1789. Vol. 9. 404 p. (In French).
 19. *Mornet D. Les Origines intellectuelles de la Révolution française: 1715–1787.* Paris, 1967. 552 p. (In French).